

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ

ББК 66.01

Д. Г. Смирнов

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Исследуются тенденции в развитии семиотического осмысления политического дискурса на рубеже XX—XXI вв. Осуществлен сравнительный анализ наиболее известных отечественных исследовательских парадигм символической политики. Определены философские основания разных подходов к рассмотрению символической политики.

Ключевые слова: символическая политика, политический дискурс, политическая семиология, символная политика, политическая концептосфера.

The article examines trends in the semiotic interpretation of the political discourse at the turn of the XX—XXI cc. The comparative analysis of the main research paradigms of symbolic politics carried out in Russia is conducted. The philosophical foundations in consideration of various models of symbolic politics are defined.

Key words: symbolic politics, political discourse, political semiology, symbolic policies, political aggregate of concepts in politics.

Вместо введения

Двадцатый век можно по праву назвать временем новой семиотической революции. Он создал предпосылки для изменения семиотической картины мира: проникновение семиотического и символического наблюдается практически во все сферы повседневной жизни современного социума. В этой связи одним из значимых феноменов, выходящих из «исследовательского сумрака», становится символическая политика, субъектами которой в результате тотальной медиатизации бытия оказываются (в той или иной мере) все слои общества.

«Политическое» привлекает специалистов в области семиотики уже достаточно давно; этот интерес, обнаруживающий себя еще в античности, исторически волнообразен: он имеет свои взлеты и падения. Такой очередной всплеск интереса к семиотике политики происходит в середине прошлого столетия в зарубежном интеллектуальном пространстве, обозначившись позднее и в российской исследовательской литературе.

Цель статьи — проследить изменение философских (онтологических и праксиологических) оснований исследования символической политики в ходе анализа отечественных и зарубежных работ.

© Смирнов Д. Г., 2016

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

2016. Вып. 2 (16). Философия •

Семиотика политического дискурса: отправная точка

Одним из первых трудов в отечественной историографии, где обращено внимание на знаковое измерение политики, является исследование Е. И. Шейгал [40, 41], которая отталкивается в своих семиотических положениях от программных работ зарубежных ученых — М. Эдельмана [42], К. Д. Элдера и Р. В. Кобба [43], Р. Г. Медоу [44] и других. В лингвосемиотической концепции Е. И. Шейгал «политический дискурс представляет собой знаковое образование, имеющее два измерения — реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации» [40, с. 9]. Обратим внимание на то, что сам символический подход, по Е. И. Шейгал, «определяет политику так же, как и коммуникацию, в терминах обмена символами: лидерство осуществляется преимущественно через манипуляцию символами и распределение символических наград. Это направление концентрируется на анализе процессов создания и распространения символов» [40, с. 16].

В контексте нашего исследования представляют интерес замечания Е. И. Шейгал по поводу семиотического функционала политического дискурса. Фиксируя в качестве его концепта борьбу за власть, автор закрепляет за ним следующие функции: «а) интеграция и дифференциация групповых агентов политики; б) развитие конфликта и установление консенсуса; в) осуществление вербальных политических действий и информирование о них; г) создание “языковой реальности” поля политики и ее интерпретация; д) манипуляция сознанием и контроль за действиями политиков и электората» [там же]. Заметим здесь, что названные функции подчеркивают амбивалентный характер политического дискурса, что, очевидно, задается его бинарным — реально-виртуальным — способом существования.

В начале XXI в. российские исследователи меняют категориальный аппарат анализа политического дискурса и самым популярным понятийным маркером знаковости политической сферы становится термин «символическая политика», восходящий, как показывает О. Ю. Малинова, к работам М. Эдельмана (например, «Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence», 1971). Современные ученые разнятся в понимании символической политики [6, 19, 37]. Следует упомянуть и то, что наряду с указанным термином активно используются синонимичные понятия — символьная, или идейно-символьная, политика [14], политическая семиология [11], культурно-символическая политика [35], что во многом предопределяется авторской специализацией: исторической, философской, политологической, социологической, культурологической, лингвистической (филологической) и иной. Такая ситуация в исследовательском поле не только подчеркивает принципиально междисциплинарный характер изучаемого феномена, но и свидетельствует, с одной стороны, о живом интересе к семиополитической проблематике, а с другой — о методологических спорах в научной среде.

Символическая политика: pro et contra

В. М. Капицын задает смысл символьной политики через концепт символа, вслед за Н. С. Розовым понимаемого как «принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические, идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности» [13, с. 6]. Как следствие, он видит цель символьной политики в «формировании символьной системы,

способствующей целостности государства и позитивному развитию общества, для чего поддерживаются символы-добродетели, их связь с жизненными сферами, национальной идеей и Конституцией, национальными интересами и безопасностью» [13, с. 15]. Символьная политика, таким образом, делает своим инструментом определенный набор символов, которые, будучи включенными в политическое бытие, способны сформировать единую жизнесферу универсальных (глобальных) и национальных символов. В методологическом плане символьная политика ориентирована на несистемный подход, предполагающий движение от вещей (в данном случае отдельных символов) к отношениям и свойствам конкретной семиосферы.

М. В. Ильин, размышляя о типологии семиотик, показывает, что дисциплинарные органоны, или парадигмы, включенные в биосферно-человеческий органон, строятся по принципу «исходный органон плюс предметная сфера». При актуализации когнитивного органона в политике как раз и получается «политическая семиология» [11, с. 46]. На наш взгляд, позиция автора заслуживает внимания, несмотря на то что он далее не развивает этот тезис. Очевидно, что политическая семиология, понимаемая в духе У. Эко как общая теория исследования феномена коммуникации, может выступить в качестве комплексной дисциплины, предметом которой явится символическая политика: разделение на политические семиотики будет зависеть от различных факторов (уровень институционализации, используемый инструментарий, исходное целеполагание и т. д.).

Как показывает ведущий отечественный специалист в области изучения символической политики О. Ю. Малинова [20], в качестве «зонтичного понятия», которое вбирает в себя в категориальном плане рядоположенные понятия, лучше всего использовать термин «символическая политика». Анализируя исследовательское пространство символической политики, она фиксирует два аспекта основного понятия: узкий — символическая политика как имитация политики, нереальная политика (С. П. Поцелуев) и широкий — символическая политика как борьба за смыслы (П. Бурдьё). Именно следуя логике П. Бурдьё, О. Ю. Малинова под символической политикой понимает «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих». «Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом “реальной” политики» [18, с. 8].

С. П. Поцелуев под символической политикой понимает «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов. Символическая политика — это не просто действие с применением символов, а действие, само выступающее как символ» [29, с. 62]. Основание для подобной трактовки символической политики обнаруживается в трудах А. Ф. Лосева. «Символическая политика, — пишет С. П. Поцелуев, ссылаясь на крупнейшего отечественного исследователя символа, — специфическим образом эксплуатирует сущность символа как такой образной конструкции, которая может указывать на любые области бытия, придавая последним качества безграничных феноменов» [там же].

Перед нами две разные парадигмы исследования символической политики. Первая, представленная в работах О. Ю. Малиновой, раскрывает

символическую политику как процесс производства алгоритмов понимания символического. С. П. Поцелуев семиотизирует сам этот процесс, фактически фиксируя второй слой символической политики. Для него сам процесс символизации символичесок. Это промежуточное замечание имеет большое значение в контексте анализа праксиологического измерения символической политики: трактовка О. Ю. Малиновой, как нам представляется, ориентирована преимущественно на субъект-объектную модель взаимоотношений власти и социума, тогда как трактовка С. П. Поцелуева предполагает символическое действие в рамках субъект-субъектной модели.

С. А. Сукало понимает под символической политикой «технологию и практику контроля над сознанием масс посредством публичного дискурса» [37, с. 6], в котором определяющее значение приобретают «символические элиты», благодаря производству «символического продукта» обладающие «символическим капиталом». Вместе с тем автор приводит и упрощенное определение символической политики как процесса конструирования представлений о прошлом (исторические события, стереотипы, мифы, убеждения, ценности), выступающих властным ресурсом в настоящем [37, с. 9]. Такая двойная (узкая и широкая) интерпретация символической политики в рамках одной парадигмы указывает на желание дополнить властный дискурс символической политики гражданским, избежав при этом противопоставления государства и общества.

И. С. Башмаков, ссылаясь на М. Эдельмана, С. П. Поцелуева, Т. Мейера, определяет символическую политику как «особое средство политической коммуникации, направленное на удовлетворение эмоциональных потребностей населения в чувстве сообщества, участии в политической жизни, одобрении государственной политики и лидеров», отмечая при этом, что в пространстве публичной политики она выступает «не только как властный инструмент, но и важное средство влияния общественности на политику» [6, с. 7]. В связи с этим он фиксирует символическую политику «сверху», «снизу» и «сверху и снизу одновременно» (очевидно, заимствуя эту идею у С. П. Поцелуева), что косвенно свидетельствует в пользу гипотезы разведения различных дискурсивных практик в символической политике. Обратим внимание и на то, что в определении символической политики появляется указание на ее функции как собственно для власти, так и в отношении социума.

Сущность символической политики, на наш взгляд, наиболее удачно выразил Д. А. Мисюров через обращение к этимологии категории «символ». «Этимологически древнегреческое понятие символа, — пишет автор, — восходит к небрежно надломленному предмету, части которого раздавались различным людям, чтобы при встрече, при сложении частей, имелась возможность распознавания членов сообщества. Так создаются символические модели, призванные объединять сообщества с помощью символических образов и смыслов» [25, с. 18]. Здесь обращают на себя внимание зафиксированные автором характерные черты символической политики, а именно: формирование идентичности, обоснование легитимности, утверждение социальности, возможность конструирования, способность консолидации (интеграции).

«Традиции» и «инновации» символической политики

В приведенных выше дефинициях символической политики она предстает как своего рода безграничный феномен, лишенный этнической и национальной окраски. Вместе с тем очевидно, что конкретно историческая актуализация символической политики зависит от семиосферы (нациосферы, этносферы), в которую она «опрокинута». В статье Е. В. Ишменева представлен подробный анализ ключевых проблем и сфер приложения концепта «символическая политика», а также роли дискурсивного анализа (в частности, критического дискурса-анализа) в его изучении [12]. Интересна и мысль автора о различии отечественных и зарубежных парадигм в исследовании символической политики: за российской традицией он закрепляет аксиологическую (оценочную) направленность, за иностранной — нормативную.

С. П. Поцелуев делает интересную, в контексте наших размышлений, оговорку. Он пишет, что «символическая политика во все времена использовалась властью для укрепления своих основ, особенно в моменты социальных кризисов и распада» [29, с. 63]. Здесь автор обращает внимание на два существенных момента. Первый момент заключается в том, что символическая политика предстает как неотъемлемый атрибут властного дискурса. Теоретики символической политики игнорируют (в хорошем смысле) этот тезис «как сам собой разумеющийся», сосредоточивая внимание преимущественно на событиях ближнего исторического плана. Между тем это дает повод для сравнительного анализа символической политики прошлого и настоящего. В этой связи С. П. Поцелуев пишет, что принципиальные отличия современной символической политики от политического инсценирования прошлых эпох вызваны в основном двумя факторами: становлением массовой демократии и революцией в средствах массовой коммуникации [там же]. Второй, не менее важный момент заключается в том, что символическая политика «работает» ситуативно. Это может быть проиллюстрировано через обращение к метафоре мигающего светофора: мы видим, как действует символическая политика, когда наблюдаем активную фазу работы светофора, и как бы не видим ее действия, когда наблюдаем его пассивную фазу. Такое понимание символической политики, в свою очередь, отсылает нас к проблеме наблюдателя: некоторые «очевидцы» (статисты) символической политики могут не замечать или даже отрицать ее действие, что предопределено точкой в системе координат, в которой они находятся.

С. В. Акопов поднимает схожие идеи в контексте «сочинской» символической политики, которую он характеризует как инновационную. С его точки зрения, ее «постмодерновость» раскрывается в концепте «трансверсальности», ибо символическая политика Сочи-2014 направлена «на конструирование более индивидуализированных, более ситуативных и гибких идентичностей» и «может быть в значительной степени тождественна концепциям “космополитического национализма”, “транснационализма” и “трансверсальности”, выступающим против политической философии “столкновения цивилизаций”» [1, с. 61]. (Заметим, что С. В. Акопов здесь и в других работах (см., напр.: [2]), написанных в преддверии самого спортивного действия, следует традиции С. П. Поцелуева, ведя разговор о *направленности* символической политики, а не о ее социокультурных реалиях.) Автор несколько односторонне подходит к анализу «сочинской» символической

политики, видя в ней своеобразную форму мировоззренческого (идеологического, геополитического) синтеза. Вместе с тем он оставляет за пределами рассмотрения как раз проблему наблюдателя: рефлексия по поводу символической политики Сочи-2014 не только формирует интегративный пафос, но и создает предпосылки «полураспада» идентичности.

Анализ приведенных выше размышлений подводит к выводу о том, что символическая политика имеет свои глобальные и локальные лики (можно даже вести речь о российском лике глобальной символической политики) [7]. Рассмотрение механизмов глобализации и локализации символической политики (в частности, ее субстрата) способствует более глубокому пониманию границ применения тех или иных символов (в широком смысле термина) в рамках конкретного социокультурного хронотопа. Как раз здесь фиксируется соприкосновение проблематики собственно символической политики и политики, направленной на конструирование региональной идентичности [9]. Проблема «уровневости» символической политики не только разрабатывается в теоретическом плане [6], но и получает освещение в рамках целого ряда региональных исследований [4, 8, 39].

Ученые констатируют ряд особенностей региональной символической политики, которые, как нам кажется, представляют особый интерес в рамках нашего размышления. Так, С. Р. Фахразеева обосновывает фундаментальный тезис о том, что «объектом культурной политики население стало, а субъектом пока нет», сама же символическая политика преимущественно организована по принципу «поиск отличий, а не поиск общего» [39, с. 54]. И. С. Башмаков формулирует важное эмпирическое обобщение (возможно, кажущееся тривиальным), фиксирующее соответствие политического режима и символической политики: «...в зависимости от политической ситуации в стране находится и содержание символической политики» [5, с. 143]. Если следовать диалектике части и целого, это положение может быть экстраполировано на регионы (учитывая и то, что сама идея вызревает именно в региональном исследовании). Даже беглое знакомство с региональным срезом изучения символической политики позволяет зафиксировать правомерность этого обобщения.

Методологические замечания

Следует отметить, что в исследовательском пространстве политической семиотики наблюдается недостаток методологических работ. Причина этого отчасти кроется в четко обозначившей себя прикладной ориентации символической политики, а отчасти обусловлена принятием уже разработанных парадигм анализа, например концепции символической борьбы П. Бурдьё. Вот как описывает методологические основания исследования символической политики О. Ю. Малинова. «Предлагаемый нами подход ориентирует не только на изучение целей, стратегий и технологий, реализуемых акторами, действующими в публичном пространстве (т. е. на выявление различных типов *symbolic policies*). Он также побуждает фокусировать внимание на процессе взаимодействия (конкуренции, поддержки, сопряжения и др.) разных способов интерпретации социальной реальности, который в логике различения, имеющего место в английском языке, можно обозначить как *symbolic politics*. Наконец, данный подход нацелен на изучение специфических механизмов, обуславливающих наблюдаемые результаты такого

взаимодействия — доминирование одних способов интерпретации социальной реальности и маргинализацию других, трансформацию дискурсов под влиянием конкуренции и т. п.» [21, с. 115—116]. Краткая формулировка звучит так: «исследование использования и интерпретации коллективного прошлого в курсе символической политики, проводимом от имени современного Российского государства» [21, с. 116]. О. Ю. Малинова [22] из целого ряда подходов [15] выбирает для изучения символической составляющей политики метод изучения «социально разделяемых представлений, связанный с интерпретацией данных опросов, глубинных интервью, фокус-групп, контента социальных сетей» [22, с. 6], ибо краеугольный тезис теории символического выбора (символической политики) — «люди делают выбор, отвечая на предложенный им эмоционально сильный символ» [27, с. 10].

Вместе с тем проблема методологии исследования элементов символической политики — собственно символов, которые выступают выражением (индикатором) свойств и отношений, формирующих семиотическую систему политики, — не рассматривается как приоритетная. Исключение составляет статья М. В. Ильина [11], в которой дискутируются вопросы применимости категорий семиотики (в контексте различных парадигм) к политическому дискурсу. Однако автор больше ставит вопросы, нежели предлагает их решения.

В этом контексте интерес вызывают работы политолога Д. А. Мисюрова [24], где он последовательно проводит идею символического моделирования российской (и в перспективе мировой) истории. Анализируя сменяющие друг друга в исторической ретроспективе властные символические модели, автор фиксирует четыре особенности российского символического моделирования. Первая — разнодоминантность сформировавшейся президентско-имперско-царско-княжеско-общинной модели, позволяющая России выживать и развиваться. Вторая — набор ключевых символов модели, «соответствующих мировосприятию представителей различных частей света, символов, дающих возможность символического — рационального, эстетического, этического — властвования». Третья — «не только отображение имеющегося статуса, но предвосхищение, отображение, моделирование в символах нового статуса». Четвертая — развитие модели «в русле рационально-нравственно-чувственного моделирования» [26, с. 28]. Очевидно, и на это намекает сам автор, подобный анализ можно произвести и в отношении других этнонациональных символических моделей. Это еще не комплексный семиотический подход, но удачная попытка поместить в центр методологического пространства символической политики конкретные символы и системы символов. Здесь даже просматривается претензия на рассмотрение системы символов, которой, как показывает О. Ю. Малинова, западные исследователи (в частности, Г. Гилл) в российской политике не обнаруживают [22, с. 6].

Поиск системы символов в политическом дискурсе России или любой другой страны — дело крайне трудоемкое. С одной стороны, необходимо рассмотреть набор символов, поддерживаемых (насаждаемых) «сверху», и попытаться интерпретировать их, исходя из политической картины мира. В этом случае крайне сложно избежать искажения замысла адресанта. Собственно системность обнаруживается только через концепт (системообразующее свойство) системы политики. Именно он, в конечном счете, ответствен за конгломерат элементов системы, т. е. непосредственно символов. С другой

стороны, сложно определить, какой концепт в конкретной исторической ситуации избран символической элитой в качестве базового. Как показывает Н. П. Кирсанова, символическое пространство современной России «во многом носит пестрый мозаичный характер, свидетельствующий о том, что власти не удалось утвердить сложившийся социальный порядок в качестве легитимного» [16, с. 170].

С точки зрения С. А. Сукало, в современной политической науке концепты, которые отражают менталитет, этос социума, представляют своеобразную «политическую концептосферу» [38, с. 88]. Сущностное отличие политического концепта от прочих заключается в том, что он «способен соединить реальность и ментальный план в единой конструкции, сочетающей архетипическое ядро, мифологему, исторический опыт и память, модель будущего <...> Анализ концептов предполагает изучение способов позиционирования в текстах программ системообразующих идей, апелляции к базовым ценностям (культурным кодам), символической презентации политических целей» [там же]. Позиция С. А. Сукало наиболее близка в методологическом плане нашему видению проблемы. Создание подобной «реально-ментальной конструкции» возможно благодаря самой специфике знака в контексте истории, ибо он объединяет воедино прошлое, настоящее и будущее, реальность и действительность.

С. А. Сукало фиксирует ряд концептов современной символической политики: 1) исторического прошлого и исторической памяти; 2) социальной справедливости; 3) демократии; 4) прав и свобод человека; 5) вероисповедания; 6) будущего [38]. Полагаем, что данный перечень концептов может быть дополнен и приведен в систему. Так, очевидно, фундамент этой «концептуальной» системы составляют концепты прошлого (памяти), настоящего (реальности) и будущего (идеала). Следующий уровень, вероятно, должен быть отведен под концепты вероисповедания, этноса (нации). Третий уровень займут системообразующие идеи справедливости, права, демократии.

В контексте наших исследовательских интересов значимыми представляются два вывода, к которым приходит автор. Первый — «современное политическое символическое пространство характеризуется наличием противоречивых и, в определенной части, неадекватных реалиям сегодняшнего дня доктринальных интерпретаций концептов, определяющих поле актуальных проблем российского общества» [38, с. 91]. Второй — совершенствование символической политики в российской партийной системе возможно в рамках «опережающего, основанного на научном прогнозировании конструирования и проектирования “образов будущего”, репрезентации их в символическом политическом пространстве» [38, с. 91—92]. О. Ю. Малинова по этому поводу пишет: «Коллективное прошлое скорее является объектом ситуативного “использования”, нежели предметом целенаправленного “конструирования”» [21, с. 126]. Думается, что проектирование действенной символической политики должно строиться на определенных принципах, среди которых основополагающими следует считать принципы ясности (понимаемость, недвусмысленность), опережающего отражения, системности (непротиворечивость).

Современная символическая политика, за редким исключением, представляет собой реакцию на уже сложившуюся политическую конъюнктуру. По сути своей, это политика защиты, поддержания, сохранения некоторой политической данности, статусности, функционирующая по запаздывающему

алгоритму. При этом в абсолютном большинстве случаев имеет место использование наличных (почти забытых, но все еще действующих) символов и символических моделей (систем). Это как раз и приводит к двусмысленности при опрокидывании символов «с историей» в новую политическую реальность. Многие из таких попыток приводят к возмущению поверхности «политического моря»: они вызывают отторжение у большинства адресатов внутри социума, ибо вступают в противоречие с исходными смыслами. Удачным примером обнаружения «символического фарватера» становится обращение к нейтральным стереотипическим, заархивированным в хитросплетениях конкретных семиосфер и архетипическим символам, которые укоренены в сознании носителей культуры [31—34].

Следует всегда помнить, что символ — это «эмоционально заряженная ссылка на миф» [27, с. 11]. Использование символа неизбежно приводит к соответствующему мифу, а если этот миф противоречит новому сконструированному контексту, то функционал символа стремится к минимуму. Видимо, поэтому главным символическим ресурсом власти являются события истории XX в. и «властвующая элита предпочитает не касаться “трудного прошлого” и стремится, насколько это возможно, избегать определенности в оценках исторических событий, процессов и фигур, которые вызывают горячие споры в обществе» [21, с. 126—127], а «набор политически “пригодных” символов, образов, нарративов, связанных с нашей “тысячелетней историей”, в официальной риторике слабо конкретизирован» [21, с. 127]. В этом контексте гораздо более продуктивно выглядит создание содержательно новых мифов и связанных с ними символов. В крайнем случае эти символы и символичные комплексы по форме могут быть повторением прежних знаковых артефактов, но их содержание не должно дублировать исторические аналоги. Достижение момента целеполагания возможно только тогда, когда «мифы, распространяемые инструментами символической политики, интегрируют... жителей в единое территориальное сообщество» [4, с. 185].

Вместо заключения

Изучение символической политики реализуется в рамках двух моделей: аксиологической (оценочной) и нормативной [12]. Первая связана преимущественно с отечественной традицией, вторая — преимущественно с зарубежной. Это, в свою очередь, обуславливается различными статусами символической политики как борьбы за значимые для государства и социума смыслы — статусом реальной политики и статусом виртуальной политики.

С точки зрения коммуникативной практики символическая политика реализуется в рамках субъект-объектной и субъект-субъектной моделей. В первой модели, характерной для национального уровня, власть, выступая как единоличный субъект, осуществляет своеобразное символическое насилие над не удостоившимся еще статуса субъекта социумом. Вторая модель, характерная для уровня региональной символической политики, предполагает формальное символическое равноправие в отношении семиотического конструирования политического дискурса.

В плане выражения символическая политика предстает как единство конструкции [30] и деконструкции [3, 10]. Смысл подобной диалектики становится понятным через призму семиотического отрицания отрицания и культурно-символического обмена, когда на поверку мы имеем дело

не с конструкцией и деконструкцией, а с реконструкцией символического пространства.

С точки зрения используемого мировоззренческого инструментария символическая политика в зависимости от «условий среды» ориентирована на миф (историю) [23], религию [27], искусство [28], идеологию (философию) [36] как фундаментальные когнитивные парадигмы, не носящие общеобязательного (как, например, наука) характера и тем самым допускающие «интерпретационный люфт».

С точки зрения используемого семиотического инструмента символическая политика ориентируется в когнитивном плане на идеи или вещи [17], задавая соответственно разные модели понимания и интерпретации, выраженные в предельной форме концепциями логики вещей и логики идей.

Реализация символической политики в России (в отличие от западной традиции) — еще в самом начале, может быть, поэтому ее изучение и носит оценочный характер. Требуются серьезные теоретические (философские) обобщения и компетентные практические приложения. Пока же символическая политика в России больше символическая, чем политика.

Библиографический список

1. *Акопов С. В.* Национальная идентичность и инновационная символическая политика Сочи-2014 // Управленческое консультирование. 2013. № 4 (52). С. 57—61.
2. *Акопов С. В.* Символы Сочи-2014: новые горизонты российской политической идентичности // Управленческое консультирование. 2013. № 4 (52). С. 52—56.
3. *Аникин Д. А.* Символическая борьба с советским прошлым: парад в контексте политики памяти // Власть. 2014. № 2. С. 139—142.
4. *Башмаков И. С.* Региональная мифология как инструмент символической политики в формировании территориальной общности Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 183—186.
5. *Башмаков И. С.* Региональная идентичность в политической жизни Краснодарского края: ход формирования посредством символической политики власти // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 141—144.
6. *Башмаков И. С.* Символическая политика в пространстве публичной политики: функции, акторы и технологии : (региональный и локальный уровни) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар : Куб. гос. ун-т, 2012. 26 с.
7. *Башмаков И. С.* Символическая политика в пространстве публичной политики: функции, акторы и технологии : (региональный и локальный уровни) : дис. ... канд. полит. наук. Краснодар : Куб. гос. ун-т, 2012. 209 с.
8. *Березняков Д. В., Козлов С. В.* Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива // Политические исследования. 2015. № 4. С. 34—45.
9. *Гигаури Д. И.* Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 83—87.
10. *Зиноватый П. С.* Теоретический анализ символических репрессий в современной политике : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. : Изд-во МГУ, 2009. 29 с.
11. *Ильин М. В.* Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурса-анализа // Дискурс-Пи. 2015. Т. 12, № 1 (18). С. 43—47.
12. *Ишменев Е. В.* Опыт изучения концепта «символической политики»: основные традиции и перспективы // Социум и власть. 2011. № 2. С. 37—41.
13. *Капицын В. М.* Символьный контекст институционализации национальных интересов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2011. № 3. С. 5—19.

14. *Катицын В. М.* Идеино-символьная политика и национальные интересы России // Россия и современный мир. 2012. № 2. С. 58—70.
15. *Кирсанова Н. П.* Партии в символическом пространстве политики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 63—68.
16. *Кирсанова Н. П.* Символические основы российской политики // Проблемы современной науки. 2013. № 7, ч. 2. С. 164—170.
17. *Малахов В. С.* Слова и вещи: символическая и инструментальная политика в отношении регуляции культурного разнообразия в странах условного Севера // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : материалы Международной научной конференции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 44—45.
18. *Малинова О. Ю.* Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 1. С. 5—28.
19. *Малинова О. Ю.* Национальная история в официальной символической политике постсоветской России // Труды по россиеведению. 2012. № 4. С. 204—226.
20. *Малинова О. Ю.* Символическая политика. М. : ИНИОН РАН, 2012. 336 с.
21. *Малинова О. Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология : журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 114—130.
22. *Малинова О. Ю.* Теория представительства и политический символизм парламента в российском контексте // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 5—11.
23. *Малинова О. Ю.* Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // Политические исследования. 2015. № 4. С. 12—21.
24. *Мисюров Д. А.* Символы о символах: начала культурно-символической политики. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.
25. *Мисюров Д. А.* Комбинаторика общественного развития: варианты трансформаций символических моделей // Политические исследования. 2009. № 5. С. 18—31.
26. *Мисюров Д. А.* Российская история в зеркале символических моделей // Полигнозис. 2009. 4 (37). С. 18—28.
27. *Наумкин В. В.* Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 9—27.
28. *Нестеров А.* Символическая политика. Портреты, выполненные по заказу сэра Генри Ли, и контексты елизаветинской эпохи // Искусствознание. 2010. № 3—4. С. 98—132.
29. *Поцелуев С. П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5. С. 62—75.
30. *Поцелуев С. П.* Феномен символического диалога в политике: условия возможности и российские практики // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 144—153.
31. *Рябов О. В.* Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 40—50.
32. *Рябов О. В.* «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 1. С. 90—113.
33. *Рябов О. В.* «Отстоим Волгу-Матушку!»: материнский символ реки в дискурсе Сталинградской битвы // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 11—27.
34. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 68—72.
35. *Саенко Н. Р., Шипицын А. И.* Культурно-символическая политика в отношении городской скульптуры // Вопросы культурологии. 2010. № 12. С. 80—84.

36. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии : (материалы дискуссии) // Политические исследования. 2004. № 4. С. 28—51.
37. Сукало С. А. Символическая политика как технология контроля публичного дискурса в российском политическом пространстве // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2014. № 3 (20). С. 6—9.
38. Сукало С. А. Символические измерения политических концептов современных российских парламентских партий : (на примере партийных программ) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 5 (133). С. 87—92.
39. Фахразеева С. Р. Культурные проекты и символическая политика малых городов пермского края // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2011. № 1. С. 48—54.
40. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2000. 431 с.
41. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 324 с.
42. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana : University of Illinois Press, 1964. 201 p.
43. Elder C. D., Cobb R. W. The Political Uses of Symbols. New York : Longman, 1983. 173 p.
44. Meadow R. G. Politics as Communication. Norwood (NJ) : Ablex Publ. Co., 1980. 269 p.